

Лифарь Сергей Михайлович

23.12.95

сентября 1995 г.

Культура. - 1995. - 23 дек. - с. 12.

Под занавес

Василий Катанян

В начале октября 1980 года у меня были съемки в Софии. Смотрю — афиша: «Гала-спектакль Сержа Лифаря» с болгарскими артистами.

Лифарь! Имя, впитанное в легенду русского балета, — невозвращенец, фаворит Дягилева и премьер его труппы, красивый и талантливый артист, для которого писали специально Стравинский и Прокофьев, главный балетмейстер «Гранд Опера», коллаборационист, известный пушкинист...

И он здесь, в Софии. В программе были три его постановки: «Парад» Берлиоза, «Ромео и Джульетта» Чайковского и «Федра» Пуленка — Кокто. «Ромео» я видел с Шовире в Москве, а вот на «Федру» билет достать было невозможно, и я обрадовался, что через 22 года настиг-таки ее в Софии!

«Парад» оказался ужасно провинциальным: вся труппа, начиная с учениц, шествовала хотя и под музыку Берлиоза, но не в музыку. Все без исключения некрасивые блондинки, сильно растрепанные. Походили-походили, чего-то немного поделали ручками и застыли в апофеозе. «Ладно, — думаю, — скорее бы «Федра». Но вместо порочной царицы вывели Лифаря в черном двубортном костюме, с бабочкой. Очень довольный, низко кланяется, занавес давали несколько раз. Я думал, что он выше ростом, а он оказался небольшим.

«Федра» была великолепной. Поставленная 30 лет назад, она ничуть не устарела. Мне очень пона-

черами. Она же ваша. — Как? Вы мне ее дарите? Как это трогательно. Неужели? Спасибо, спасибо.

Ободровавшись и оживившись, он начал монолог. Я же время от времени подбрасывал хворост в костер его красноречия, задавал вопросы. Там, наверное, было много неточностей, рассказывал он торжественно, темпераментно, с известной долей рисовки и актерства (но не артистизма. Артистизм — в показе движений). Он то смеялся, то злился, но никогда не мямлил. Я попросил разрешения включить магнитофон.

— Сергей Михайлович, «Федра»...

— Я должен был ее поставить в Большом для Плисецкой. Планировался целый мой вечер — «Сюита в белом» и «Видения». Вы их видели?

— Да, да, с Шовире и Рено.

— Так вот, все было договорено с Демичевым и послом Виноградовым, меня пригласили, и я собрался. Но все сорвалось из-за Григоровича. Это он меня не пустил. Он никого не пускает в Большой — ни Балланчина, ни Пети. А Роббинса и Джоффри? Он их тоже обманул. Когда он меня видит, то обнимает, тютю-тютю, ты хороший, приезжай, дадим тебе постановку. А за спиной все сам же срыгает. Римские объятия (он показал), обнимает до тех пор, пока не задушит. Для меня это было ужасно, ведь я, поверив заверениям Демичева, не брал других контрактов, нанял репе-

С. Лифарь. Рисунок П. Пикассо

зультате Шовире полетела в Москву. Но Дейде со своим покровителем мне отомстила ужасно: когда мы приехали в аэропорт, то в моем паспорте (а нам их привезли из вашего посольства только в аэропорт) не оказалось советской визы! Вся труппа летит танцевать мои балеты, а меня не пускают! Даже сейчас кровь бросается мне в голову при одном только воспоминании...

— Да, это похоже на экзекуцию с Нуриевым в том же злополучном аэропорту, когда ему перед отлетом в Лондон сказали, что его, премьера труппы, отправляют обратно в Москву. И тогда он прыгнул за городку и убежал.

— Но я уже однажды убежал! Мне бежать было некуда! Я был в состоянии аффекта и непременно застрелил бы их, но у меня не было оружия. И они улетели на глазах у меня...

Наконец принесли долгожданный чай, он немного успокоился, и я отвлек его, спросив о Юсупове.

— А вы знаете, что благодаря мне он чуть было не вернулся в Россию?

— Откуда же я могу знать?

— Так вот, вам пришлось в голову позвать обратно Юсупова и сделать его зрителем Архангельского, которое у него отобрали в революцию. Чтобы туристы приезжали и видели и дворец, и Юсупова, ему там обещали особняк... Говорили, что это придумал Хрущев. И вот посол попросил меня быть посредни-

Откровения Сергея Лифаря

С. Дягилев на репетиции С. Лифаря. Рисунок М. Ларионова

вились хореография и красивые скульптурные композиции, возникающие на мостках второго плана, и сценография Кокто. Партия Федры драматичная, статуарная, с выразительными позами. Два очень страстных, каких-то заволакивающих дуэта. Роль, которую могла бы исполнить Майя Плисецкая, — как будто это все было поставлено на нее.

После спектакля захожу за кулисы. Представляюсь. «Господа! — кричит возбужденный Лифарь. — Познакомьтесь с балетоманом из Москвы. Он специально прилетел на мой вечер!»

Так ему, видимо, хотелось. Я поздравил его, он о чем-то спросил, и так, разговаривая, мы двинулись к выходу, но оказались на коктейле в каком-то зале — актеры, министрша культуры, посол — и опять: «Это московский балетоман, который прилетел на нашу премьеру. Прошу знакомиться!»

Вот так — захотел и прилетел. Ни решения выездной комиссии, ни визы. Все это, конечно, было неведомо Лифарю. Короче говоря, попав, как кур в ощиц, я поскорее ретировался, условившись о свидании на завтра. «Приходите на файф-о-клок!»

Прихожу. Номер у него в лучшем отеле, но однокомнатный, какой-то тесный, все расшвыряно. Он в халате. Выглядит никак не на свои 75, а лет на 55, прямой, энергичный. Сейчас он полулежит:

— Извините меня за мой вид, но я утром проснулся от ужасной температуры, вызвала врача, было 39. Теперь ее сбили, но я чувствую себя плохо. Вот посмотрите, мне что-то дали (он протянул бюллетень на болгарском языке), зачем это? (Ну, думаю, как бы тебе ни было плохо, а я ни за что не уйду).

Он буквально набросился на книгу «Потомки Пушкина», которую я ему принес, и стал рассматривать фотографии, называя всех по имени-отчеству, словно это были его родственники, а не Пушкина. Видно было, что он в совершенстве знает предмет. Стоит сказать, что в книге было несколько страниц, посвященных ему. Забыв обо мне, он погрузился в чтение.

— Нет, Сергей Михайлович, меня это не устраивает. Мы условились поговорить, а вы занялись книгой. Будете ее читать в Париже долгими зимними ве-

титоров, послал партитуру, потратился, ждал-ждал... Кто им дал право лишать меня работы, лишать творчества? И это в вашей стране, где главным в жизни провозглашен труд!

Он презрительно фыркнул.

— А что «Ромео и Джульетта» Григоровича в «Гранд Опера»?

— Скука и мрак. Все было так тоскливо и посто, что одна знаменитая похоронная фирма решила пригласить Григоровича для организации панихид.

— Как вы относитесь к заимствованию пластики, когда один балетмейстер берет найденное другим? Например, партия Арииса в «Федре» очень напоминает Хозяйку Медной горы. Ясно, что это было сделано под влиянием «Федры». Ведь оригинальные движения, повторенные в других балетах, — это как заимствование мысли.

— Но это неизбежно. Это диффузия искусства. Иначе мы бы не двигались вперед, а только крутили фуэте. Когда подняли железный занавес, мы увидели друг друга и обогатили один другого. Вы стали использовать наши достижения в постановках, новшества в хореографии и в разрушении канонов, присмы западных художников: Руо, Пикассо, Кокто — разве они не повлияли на оформление ваших постановок хотя бы тем, что прогнали со сцены натурализм? А мы берем вашу исполнительскую культуру, акробатизм и молодость артистов, их темперамент, чистоту школы. Я имею в виду лучшие образцы — Семенову и Плисецкую, Васильева и Соловьева. Ах, какой был танцор! Мы все онемели, когда увидели его. Он единственный, кто немного похож на Нижинского. Да, так вот о диффузии. Поза «Б» появилась впервые у меня в «Федре», а теперь она стала такой привычной. Весь Бежар на этом построен. Вы видели его индийский цикл? А ведь когда я ее придумал, был целый скандал. Во время репетиций в «Гранд Опера» — в 50-м году — я показал артистам вот эту позу (он встал и, держась за косяк, присел). Девочки из хореографического училища пришли домой и рассказали родителям, что я их учу непристойности. Родители пришли на репетицию, увидели, что это особенно ничем не грозит их малюткам. Но прозвали это движение «Поза «Б» — то есть «поза биде». Как будто вы садитесь на биде. Смотрите. А теперь к этому все привыкли. Плохо только, что чужое выдают за свое. Используйте, но не присваивайте. Так получилось с «Историей русского балета». Я ее когда-то написал, потом узнал, что над «Историей» работает сын Бахрушина. С каким нетерпением я ждал его книгу! Ведь перед ним были открыты все театральные архивы СССР — я же был этого лишен. И вдруг читаю то же, что написал я! Он просто переписал мою книгу! Переписал. Как это называть? К диффузии это не

имеет отношения. Пожалуйста, используйте то, что я написал, но тогда зачем ставить другую фамилию, если нет ничего своего?

О Дягилеве? На Западе о нем много написано чепухи. У вас так не пишут. У вас пишут научно. Вот Красовская. Ее история балета — научная книга. А биография Нижинского хотя и сильно беллетризирована ею, но удивительно достоверна и точна. Там и Дягилев очень правдивый. Вообще он страшно боялся одиночества. Во многом от этого он и допустил к себе Кохно. Это ужасный негодяй. Это Смердяков. Так его окрестил не я, а Сергей Павлович. Кохно было всего 16 лет, когда он стал автором либретто «Блудного сына». Вы верите этому? Вздор! Что он мог понимать в 16 лет? Все придумал и сочинил Дягилев. Кохно взял у него и всю жизнь получает авторские со всего света. Ведь балет идет до сих пор, но все знают, что он был написан Прокофьевым для меня и на меня было поставлено! А Смердяков — Кохно воспользовался слабостью Дягилева, который так боялся одиночества, что мать Кохно вместе с Судейкиным сунули его, шестнадцатилетнего, к нему в постель. Оттуда и началась его карьера.

Он сердито замолчал, как будто это было вчера.

— Сейчас сделали фильм о Нижинском. Дягилев играет английский актер, забыл фамилию. Замечательно точно. Это так трудно, все знают, какой был сложный человек Сергей Павлович. Но артист сыграл его поразительно. А Нижинский... как так можно? Какой-то смазливый мальчик, который ведет с Дягилевым долгие разговоры о гомосексуализме. Откуда режиссер знает, о чем они говорили, а о чем нет? Нет главного в Нижинском — нет его чуда. Он был гениален, это все было на моих глазах. А здесь смазливый мальчик чего-то перебирает стройными ножками. У Нижинского были страшно уродливые ноги, но он был божествен, неповторим, он был персонализме! Его мог бы сыграть Соловьев, но он умер, и мог бы еще Барышников, не знаю, почему его не пригласили. Может быть, он им оказался не по карману? Хорошо хоть, что Дягилева они не испортили. А ведь могли!

Сергей Михайлович позвонил, чтобы принесли чаю.

— Вот все гадают, почему погиб Дягилевский балет. Об этом написано столько ерунды. Хотите я вам скажу, почему?

— Почему?

— Я его убил!

— Господи, зачем же?

— Ну это длинный разговор. Я об этом написал в статье «Мое отречение». Она была напечатана во многих газетах, но не у вас. Я ее обещал прислать Красовской. Вы не можете дать мне ее адрес? Спасибо.

— Скажите, Сергей Михайлович, почему первые гастроли «Гранд Опера» в Москве прошли без вас?

— Почему? Из-за этой бандитки Лиан Дейде. Она враждовала с Иветт Шовире и делала все, чтобы приехать в Москву прямой. Она хотела царствовать одна, а не делить сцену с Шовире. У Дейде был любовник, влиятельное лицо в Министерстве искусств. Они сделали так, что Шовире исключили из поездки. Это было за моей спиной. Когда я узнал об этом, я возмутился, устроил скандал — я даже пригрозил, что уйду с поста главного балетмейстера «Гранд Опера». В ре-

С. Лифарь в «Жаззи»

ком, устроить это свидание. И тот, и другой приехали ко мне. Так было смешно! Посол говорит Юсупову: «Вы такой замечательный человек, вы так помогли нашей революции».

— Как так? — удивляется Юсупов.

— Вы приблизили Октябрь, мы так вам признательны за убийство Распутина, ведь если бы не вы, неизвестно, сколько бы это тянулось...

У Юсупова вытянулось лицо, а я подыхою со смеху! Однако он был польщен, ему намекали на солидную пенсию, чего-то еще пообещали, может быть, хотели сделать народным артистом? Ха-ха-ха. Он как-то был обескуражен, хотя ему льстило внимание к его особе да и обеспокоенная жизнь манила, он сидел на дне. Юсупов спустил на одно состояние и под конец обеднел. А тут деньги и слава... Словом, он как-то склонился, но рассорился из-за религии. Да, да.

— Все, говорит, меня устраивает в вашей стране, но вот вы религию притесняете.

— Кто? Мы? — изумляется посол. — Да у нас церкви, синагоги, мечети...

А Феликс — свое: там разрушили церковь, тут расстреляли попов, каких-то баптистов сослали.

— Да тебе-то что, ты же не баптист, — пытаюсь я его успокоить.

Не слушает, распаляется, ругается, кулаком грозит. Наговорил черт-те чего. Ваши встали и уехали. Вот вам и возвращение блудного сына!

Так как у Сергея Михайловича все-таки была температура и воспоминания сильно его разволновали, я наконец сжалился над ним.

Но прежде чем уйти, попросил автограф...